
Н. Б. ТЕТЕНКОВ, В. В. ЛАШОВ

КЬЕРКЕГОР И ЛЕРМОНТОВ: ОБРАЗ РЕФЛЕКСИРУЮЩЕГО СОБЛАЗНИТЕЛЯ

В этой статье мы возвращаемся к теме «Кьеркегор и Лермонтов», которая ранее была поднята В. В. Перемиловским¹ и В. Мильдоном², так как, на наш взгляд, тема не исчерпывается данными работами. В свою очередь, мы также рассмотрим лишь один аспект этой темы: образ рефлекслирующего оболъстителя, который у М. Ю. Лермонтова представлен Печориным, у С. Кьеркегора – Йоханнесом Оболъстителем. Мы более детально рассмотрим сам метод оболъщения, который и объединяет этих персонажей. В этом методе можно выделить следующие действия, которые присущи обоим персонажам.

1. Вызвать к себе интерес.

С. Кьеркегор указывает, что рефлекслирующий оболъститель находится в рамках категории «интересное»³. При наличии интереса Йоханнес Оболъститель готов взяться за самую трудную задачу: «Думаете, юная, полная сил духовно богатая девушка станет при помощи необыкновенной мысли женщиной, чтобы отомстить мне. Вы полагаете, что она смогла бы заставить меня пережить страдания несчастной любви. Увидите, это было бы нечто для меня! Если она не укрепитя в этой мысли достаточно глубоко, я готов прийти ей на помощь. Я затрепетал бы в смертельном страхе, подобно угрю, которого простофиля держит в воде, чтобы утопить его. И если я занимаю ее так далеко, то она моя»⁴.

Когда Йоханнес впервые видит Корделию, то бросает на нее дерзкий взгляд, который, «сброшенный сбоку, как молния обжигает

¹ Перемиловский, В. В. Лермонтов. – Харбин – Прага, 1941.

² Мильдон, В. И. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // Октябрь. – 2002. – № 4.

³ Лашов, В. В., Тетенков, Н. Б. Философия С. Кьеркегора и ее интерпретации. – М.: Элит, 2008. – С. 86.

⁴ Там же. – С. 87.

ет вас: вы краснеете, грудь ваша волнуется, дыхание прерывается, в глазах ваших мелькает гнев, гордое презрение... какая-то мольба... дрожит слезинка, то и другое я могу отнести к себе...»⁵.

Познакомившись при помощи Эдварда с Корделией, он придерживается этой же тактики: «У Корделии же я, видимо, не на таком хорошем счету. Она хотя и слишком женственно-невинна, чтобы претендовать на ухаживание со стороны каждого мужчины, но все же не может не чувствовать, насколько возмутительно мое поведение по отношению к ней»⁶. Он избирает для себя роль закоренелого холостяка, рассуждающего о спокойной жизни, хорошей прислуге, верном друге. Избранная им роль возмущает Корделию, «ведь подобное отношение как будто совершенно уничтожает всякое значение ее пола, ее красоты и поэзии!»⁷ К тому же дружеское расположение тетки и роль позволяют ему обращаться с Корделией, как с ребенком, не знающим жизни, что также возмущает девушку.

Печорин так же использует этот прием: ведь негодование, вызванное подобным поведением, – это способ заинтриговать, стать предметом мыслей девушки: «Я навел на нее лорнет и заметил, что... мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну?»⁸ Если Йоханнес непосредственно созерцает эффект, который произвел его взгляд на девушку, то Печорину о произведенном впечатлении сообщает Грушницкий: «Я как-то вступил с нею в разговор, случайно; третье ее слово было: “Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд? Он был с вами тогда...”»⁹

Интерес к Печорину подогревает и мать Мери: «Княгиня стала рассказывать о ваших похождениях, прибавляя, вероятно, к светским сплетням свои замечания... Дочка слушала с любопытством. В ее воображении вы делались героем романа в новом вкусе»¹⁰.

⁵ Керкегор, С. Несчастнейший. – М.: Изд-во ББИ св. апостола Андрея, 2002. – С. 247.

⁶ Там же. – С. 275.

⁷ Там же. – С. 278.

⁸ Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени: Стихотворения. Поэмы. Роман. – М.: Эксмо, 2007. – С. 584.

⁹ Там же. – С. 592.

¹⁰ Там же. – С. 588.

И далее Печорин придерживается избранной тактики, отказываясь познакомиться с княжной Мери, перекупая ковер («за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство»¹¹) и демонстративно проведя мимо окон княжны лошадь, покрытую этим самым ковром. Эти поступки Печорина способствуют тому, что Мери и день и ночь думает о том, как отомстить ему за такое пренебрежение, а значит, о Печорине: «...Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются»¹².

Знакомство с семейством Лиговских не меняет тактики Печорина: «Между тем княжна Мери перестала петь. Ропот похвал раздался вокруг нее; я подошел к ней после всех и сказал ей что-то насчет ее голоса довольно небрежно.

Она сделала гримаску, выдвинув нижнюю губу, и присела очень насмешливо.

– Мне это тем более лестно, – сказала она, – что вы меня вовсе не слушали...»¹³

2. Собрать как можно больше информации о девушке, ее семье и окружении, которая необходима для составления плана действия.

Йоханнес наконец-то узнает имя девушки, ее адрес, круг знакомых, тем не менее он не приступает к кавалерийской атаке, потому что понимает, что подобная атака привела бы только к негативному результату: чтобы начать действовать, ему необходим психологический портрет Корделии, а потому в дневнике он пишет: «Я все еще не уяснил сущность ее натуры и потому держусь как можно осторожнее и незаметнее, точно лазутчик, прикинувший ухом к земле и ловящий далекий отзвук надвигающегося неприятеля»¹⁴. И лишь когда Йоханнес убежден, что он смог понять Корделию, им определяется план действий. Способствует составлению плана и то, что Йоханнес советует Эдварду снабжать Корделию книгами, но выбор книг он осуществляет сам. Таким образом, оставаясь в тени, он получает возможность исследовать внутренний

¹¹ Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 591.

¹² Там же. – С. 590–591.

¹³ Там же. – С. 606.

¹⁴ Керкегор, С. Указ. соч. – С. 271.

мир Корделии и воздействовать на него. Подобный эффект мы наблюдаем у пушкинской Татьяны: побывав в библиотеке Онегина, она смогла лучше понять его, но и книги изменили ее.

Печорину семейство Лиговских характеризует доктор Вернер, который знаком с ним по роду своих занятий: «...княгиня – женщина сорока пяти лет, у ней прекрасный желудок, но кровь испорчена; на щеках красные пятна... Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате... Княгиня, кажется, не привыкла повелевать: она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру: в Москве, видимо, барышни пустились в ученость и хорошо делают, право! Наши мужчины так не любезны вообще, что с ними кокетничать, должно быть, для умной женщины несосно. Княгиня очень любит молодых людей; княжна смотрит на них с некоторым презрением: московская привычка! Она в Москве только и питается что сорокалетними остряками»¹⁵.

Он же предлагает Печорину представить его Лиговским, на что тот отвечает отказом. «Помилуйте! – сказал я, всплеснув руками, – разве героев представляют? Они не иначе знакомятся, как спасая от верной смерти свою любезную...»¹⁶

3. Знакомство в удобной ситуации, где он предстает в роли благородного героя.

Для Йоханнеса таким удобным случаем стало падение лакея во время прогулки, ведь из-за него Корделия оказалась в неприятной ситуации: «Лакей ваш упал. Положим, это смешно, но все-таки, что же вам делать теперь? Вернуться, помочь ему – нельзя; идти с запачканным лакеем – и неприятно, и неловко; идти одной – как-то странно...»¹⁷. И вот уже Йоханнес провожает ее до дому и за свою помощь награждается пожатием руки. Эта встреча была мимолетна и не получила дальнейшего развития отношений, но Йоханнес терпеливо ждет следующего удобного случая и ради него знакомится с ее женихом Эдвардом Бакстером. В «дружеской» беседе он внушает Эдварду «просить меня сопровождать его. Я дал ему слово, и он в восторге от этой чисто дружеской услуги с моей стороны»¹⁸.

¹⁵ Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 588.

¹⁶ Там же. – С. 589.

¹⁷ Кьеркегор, С. Указ. соч. – С. 275.

¹⁸ Там же.

Для Печорина таким удобным случаем стал инцидент на балу. Зная, что толстая дама желает проучить княжну Мери с помощью драгунского капитана, он приглашает княжну на вальс и после танца «кается» в своем дерзком поведении, что позволяет ему оказаться в центре событий. Пьяный господин, подбадриваемый драгунским капитаном, приглашает княжну Мери на мазурку, тем самым для нее создается крайне неловкая ситуация. «Что вам угодно? – произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд. Увы! Ее мать была далеко, и возле никого из знакомых ее кавалеров не было; один адъютант, кажется, все это видел, да спрятался за толпой, чтобы не быть замешану в историю»¹⁹. Вот он, удобный случай! Печорин берет крепко за руку пьяного господина и, пристально глядя ему в глаза, просит его удалиться, так как княжна обещала этот танец ему. Господин удаляется в другую комнату со своими пристыженными товарищами. Мери рассказывает все матери, та благодарит Печорина, и тем самым двери дома Лиговских открыты для него. Показателен разговор Печорина с Вернером: «А-га! – сказал он [Вернер], – так-то вы! А еще хотели не иначе знакомиться с княжной, как спасши ее от верной смерти.

– Я сделал лучше, – отвечал я ему, – спас ее от обморока на бале!..»²⁰

4. Произвести благоприятное впечатление на ее домашних.

Чтобы «помочь» Эдварду, Йоханнес берется развлекать тетку Корделии, одновременно ему важно произвести на нее хорошее впечатление, что расположит тетку в его пользу. Обычно Йоханнес не готовился к беседам, рассчитывая на спонтанную импровизацию, но в данном случае он учитывает, что тетка жила в деревне, а значит, для поддержания разговора необходимы познания в сельском хозяйстве. Соответственно он приступает к чтению сельскохозяйственных сочинений, чтобы блеснуть перед теткой знанием деревенской жизни: рыночные цены, количество бутылок сливок, нужных для приготовления одного фунта масла, и т. п. Вскоре результат был налицо: «Моя серьезность и солидность моих познаний производят положительный фурор. Тетка считает меня приятным и положительным собеседником, не имеющим ничего общего

¹⁹ Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 601.

²⁰ Там же. – С. 592.

с нашими модными ветрогонами»²¹. Естественно, что тетушка Корделии, будучи в восторге от Йоханнеса, дает ему согласие на помолвку со своей племянницей.

Ухаживание Грушницкого не воспринимается серьезно княгиней Лиговской: «Мать не обращает на это внимания, потому что он *не жених*. Вот логика матерей!»²² Печорин же относится к категории женихов, поэтому ему гораздо легче расположить в свою пользу княгиню. Первым таким шагом стал инцидент на балу: «Княжна подошла к матери и рассказала ей все; та отыскала меня в толпе и благодарила. Она объявила мне, что знала мою мать и была дружна с полдюжиной моих тетушек.

– Я не знаю, как случилось, что мы до сих пор с вами незнакомы, – прибавила она, – но признайтесь, вы этому одни виною: вы дичитесь всех так, что ни на что не похоже. Я надеюсь, что воздух моей гостиной разгонит ваш сплин...»²³

И уже на следующий день Печорин пьет чай в гостиной у Лиговских, поддерживая общий разговор. В своем дневнике он отмечает: «Я старался понравиться княгине, шутил, заставлял ее несколько раз смеяться от души»²⁴.

После дуэли с Грушницким княгиня открыто говорит Печорину о своем согласии выдать Мери за него замуж и не понимает, почему тот медлит с предложением: «Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастье мужа, – я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?»²⁵

5. Одолеть соперника в борьбе за сердце девушки.

Эдвард, принимая Йоханнеса за друга, даже не подозревает, что сам познакомил своего соперника с Корделией. Такая позиция очень удобна для Йоханнеса: он оказывается поверенным Эдварда, что позволяет ему контролировать ситуацию и с этой стороны. Он легко соглашается развлекать беседой тетушку Корделии, и это не только пропуск в дом Корделии: Йоханнес считает Эдварда скучным собеседником, который рано или поздно, но неизбежно наску-

²¹ Кьеркегор, С. Указ. соч. – С. 275.

²² Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 599.

²³ Там же. – С. 602.

²⁴ Там же. – С. 604.

²⁵ Там же. – С. 649.

чит Корделии, и тогда она обратит внимание на друга Эдварда, который о чем-то увлеченно беседует с ее тетушкой.

Видя желание Эдварда объясниться с Корделией, Йоханнес первым объясняется ей в любви и делает предложение: «...я заранее решил, что она, пойманная врасплох, скажет “да”: вышло не так, она не сказала ни “да”, ни “нет”, а отослала меня к тетке. Я должен был предвидеть это! Впрочем, все же мне везет – такой результат, пожалуй, лучше всего»²⁶.

Эдварду остается лишь осыпать своего «друга» Йоханнеса упреками, тот же уверяет, что во всем виновна тетушка, организовавшая помолвку.

Отношения между соперниками, которыми у М. Ю. Лермонтова являются Печорин и Грушницкий, не ограничиваются только любовным поединком за сердце княжны Мери, но мы будем рассматривать их лишь в рамках заявленной темы.

Грушницкий, как и Эдвард, считая Печорина своим другом, не видит в нем соперника и посвящает его во все перипетии своих отношений с княжной Мери, но тот старается дискредитировать Грушницкого в ее глазах. С этой целью он рассказывает княжне, что Грушницкий – юнкер, тем самым лишая его романтического ореола. Печорин терпеливо ждет, когда Грушницкий надоест Мери своими сентиментальными разговорами, а чтобы ускорить этот процесс, в беседах с княжной он использует другую манеру разговора: начинает смеяться над всем. Скоро такая манера начинает давать нужный результат: «Она при мне не смеет пускаться с Грушницким в сентиментальные прения и уже несколько раз отвечала на его выходки насмешливой улыбкой»²⁷. И очень скоро Печорин убеждается в полной эффективности своей системы: «Я отошел и украдкой стал наблюдать за ней: она отвернулась от своего собеседника и зевнула два раза... Решительно, Грушницкий ей надоел»²⁸.

6. Влюбить в себя девушку, пробудить в ней способность к самопожертвованию во имя любви к нему.

Помолвкой любовная схватка с Корделией для Йоханнеса не заканчивается, а только начинается: «Чем больше назревает в ней

²⁶ Керкегор, С. Указ. соч. – С. 298.

²⁷ Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 607.

²⁸ Там же. – С. 607.

сила для предстоящей впереди “настоящей” борьбы, тем интенсивнее будет сама борьба. Первая борьба, борьба освобождения, была лишь игрой, вторая же, борьба завоеваний, будет борьбой на жизнь и смерть!»²⁹ Воспламеняя страсть в письмах к Корделии и остужая ее в разговорах, Йоханнес стремится укрепить Корделию в чувстве любви к нему. Эта любовь должна быть лишена всего земного и устремлена в бесконечность, воображение и сердце позволят девушке совершить такой прыжок в бесконечность, который невозможен для мужчины.

Постепенно Корделия достигает стадии, которую Йоханнес определяет как наивную страсть: она уже садится ему на колени, обнимает и целует его, но в ее поцелуях он не чувствует энергии. Йоханнес желает подвести Корделию к стадии истинной страсти, когда поцелуй приобретет силу и определенность, а для этого напускает на себя холодность и начинает отдаляться от нее: «...моя страсть, сознательная, обдуманная, уже не удовлетворит ее; она впервые заметит мою холодность и захочет побороть ее, инстинктивно чувствуя, что во мне таится та высшая пламенная страсть, которой она так жаждет»³⁰. Как только Корделия достигла этой стадии, Йоханнес оборвал отношения, потому что результат, к которому он стремился, был достигнут.

Одним из явных проявлений влюбленности княжны Мери можно назвать ее реакцию на самохарактеристику Печорина, которую он дал в разговоре с ней: «В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во время прогулки она была рассеянна, ни с кем не кокетничала, – а это великий признак!»³¹ Далее Печорин отмечает в своем дневнике: «Мы расстались. Она недовольна собой; она себя обвиняет в холодности... О, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю наизусть – вот что скучно!»³²

Апофеозом становится встреча с княжной Мери у колодца, где она уже прямо объясняется ему в любви: «Все... только говорит

²⁹ Керкегор, С. Указ. соч. – С. 306.

³⁰ Там же. – С. 328.

³¹ Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 612.

³² Там же. – С. 613.

правду... только скорее... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... »³³

Йоханнеса и Печорина объединяет не только единая стратегия оболщания – инструменталистский тип рациональности, склонность к самоанализу, которая выражается в дневниковых записях, есть и другие качества, которые характерны для обоих героев. В первую очередь это то, что оба – убежденные холостяки. Для Йоханнеса любовная история не может длиться более полугода, далее она теряет всякое наслаждение; с этой точки зрения брак невозможен, так как в нем отсутствует даже намек на наслаждение. Йоханнесу вторит Печорин: «...надо мною слово *жениться* имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, – прости любовь!.. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне *смерть от злой жены*; это меня так глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе»³⁴.

Оба не принимают действительность как таковую: они поэтизируют ее, ищут в ней то, что может пробудить в них интерес к жизни, что может дать лишь новизна впечатлений, отсюда вызов, который они бросают всему миру, и болезнь, которая вызвана несовпадением с действительностью. Именно эти черты у Йоханнеса подмечены «редактором» Виктором Эремита: «Не принадлежа к действительному миру, он тем не менее постоянно вращался в нем, но при этом даже в минуты, когда почти всецело отдавался ему и телом и душой, оставался как-то вне его, точно скользя лишь по его поверхности. Что же именно влекло его за пределы действительности? Не добро и не зло – последнего я не могу сказать даже теперь. Он просто страдал *exacerbatio cerebri* (помрачение рассудка. – *Авт.*), и действительность как-то не действовала на него, самое большое – моментально; в ней не находилось достаточно сильных раздра-

³³ Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 626.

³⁴ Там же. – С. 627.

жающих стимулов для него, его натура была слишком крепка, но в этой-то излишней крепости и скрывалась его болезнь. Как только действительность теряла свои возбуждающие стимулы, он становился слабым и беспомощным, что и сам сознавал в минуты отречения, и в чем лежало главное зло»³⁵.

Перед дуэлью с Грушницким Печорин дает себе в дневнике исчерпывающую характеристику: «Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся – мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние... а все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового»³⁶.

Такое сходство позволяет нам сделать вывод, что Печорин, как и Йоханнес, в терминологии кьеркегоровской философии эстет по своему мировоззрению, соответственно объяснять поступки этого литературного героя необходимо не только и не столько исходя из внешних обстоятельств, не причисляя его к категории «лишних людей», но и из его мировоззрения. Таким образом, М. Ю. Лермонтов ранее, С. Кьеркегор чуть позже представили в своих произведениях новый эстетический тип существования – тип рефлексирующего обольстителя, культурный тип, который появился в европейском обществе.

В интеркультурном поле европейского общества этот тип существования приобретает национальные черты, становится «чужим» по отношению к иной культуре. Йоханнес и Печорин несут в себе «чуждость» по отношению друг к другу, но эта «чуждость» иной культуры позволяет осмыслить собственный культурный тип: как отметил В. В. Перемилковский, Йоханнес позволяет нам по-новому взглянуть на Печорина, прояснить некоторые черты этого героя, мотивы его поступков.

³⁵ Кьеркегор, С. Указ. соч. – С. 240.

³⁶ Лермонтов, М. Ю. Указ. соч. – С. 635.

Кьеркегора и Лермонтова объединяет не только общность героев, тематики. Е. Евтушенко в поэме «Братская ГЭС» афористично заметил: «Поэт в России – больше, чем поэт»³⁷. Ранее применительно к философии эта мысль была высказана А. Ф. Лосевым в статье «Русская философия»: «...художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме»³⁸.

Иными словами, нельзя произведения Кьеркегора и Лермонтова рассматривать только как художественную литературу и соответственно искать сходство в их творчестве как писателей, их произведения представляют собой синтез литературы и философии, поскольку они поднимают в своих произведениях философские проблемы.

Именно сходство философских идей Л. Шестов уловил в творчестве Достоевского и Кьеркегора, указав, что они, – «первый, не давая себе в том отчета, второй совершенно сознательно, видели свою жизненную задачу в борьбе и преодолении того строя идей, который гегелевская философия как итог развития европейской мысли воплотила в себе»³⁹. Единство Кьеркегора и Достоевского Шестов видел не только в том, что они критиковали гегелевскую философию, но в методе поиска истины: Кьеркегор отрекается от Гегеля и ищет истину веры у частного мыслителя Иова. Достоевский также не соглашается принять истины разума и противопоставляет им истины веры. Падение человека и состояло, с их точки зрения, в том, что страх перед Богом сделал его рабом знания, «вечных истин», и лишь вера способна опрокинуть эти истины и сделать человека свободным⁴⁰.

³⁷ Евтушенко, Е. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худ. лит-ра, 1983. – Т. 1. – С. 443.

³⁸ Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 214.

³⁹ Шестов, Л. Киркегард и экзистенциальная философия. – М.: Прогресс; Гнозис, 1992. – С. 15.

⁴⁰ Там же. – С. 26.